

Глава тринадцатая. Родин А.В. О формах и уровнях участия в протесте

1. Рассуждая об особенностях распространения протестных, в том числе и радикальных, идей, необходимо обратиться в первую очередь к реконструкции портрета носителя протестных настроений. Главным образом — к определению критерия принадлежности активистов к протестному движению. В этой связи мы бы хотели узнать Ваше мнение о ряде актуальных проблем исследования протестного актизма.

1.1. В первую очередь, давайте определимся с тем, что Вы могли бы назвать основным квалифицирующим признаком принадлежности человека к протестному движению: формальное членство, неформальная опосредованная поддержка инициатив тех или иных протестных организаций, «молчаливое» сочувствие критическим идеям или что-то другое? Всегда ли протестные настроения человека выливаются в протестную активность? Можно ли считать сторонником движения тех, кто поддерживает заявленные движениями цели, но не разделяет методы достижения целей движения?

Есть разные формы участия и разные уровни участия. Где ставить отсекающую планку, я не знаю — это вопрос методологии социологического исследования. Но в любом случае, на мой взгляд, речь должна идти о наблюдаемом активном участии в таких формах как: участие в протестных уличных акциях («согласованных» и «несогласованных», одиночных пикетах), формальное участие в оппозиционных организациях таких как «штабы» Навального, написание и подписание открытых писем с критикой существующего политического порядка, посещение открытых политических судебных процессов, действенная помощь политическим заключенным. Все, что касается только «оппозиционных настроений» и «молчаливого протesta» я не включал бы в эту категорию. Говорить о целях применительно к протестному движению целиком, на мой взгляд, имеет смысл только в самых общих словах (что, разумеется, сильно ограничивает возможности использования такого понятия в социологическом или политологическом анализе), поскольку консенсус в этом неорганизованном сообществе существует только по поводу нетерпимости текущего политического режима.

Демократический консенсус, то есть идея о том, что желательное

политическое устройство должно быть демократическим в той или иной форме, является широким, но не универсальным. Тем более, в условиях невозможности легальной политической самоорганизации у протестного сообщества нет никакого консенсуса по более специальному вопросам, касающихся желательного политического режима.

1.2. Насколько тесной является связь между гражданским, в том числе политическим активизмом, и распространением среди активистского кластера общества протестных и даже радикальных идей, связанных с критикой актуальной социальной или политической повестки? Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о принципиальном психологическом и социальном своеобразии сторонников протестных идей? Можно ли говорить о своеобразном типе «протестующей» личности, существующей в любом обществе, либо совокупность внешних факторов оказывает ключевое влияние на складывание протестных движений?

Этот пункт содержит два очень разных, на мой взгляд, вопроса. Первый вопрос про идеологию. Ответ: Сильная приверженность к той или иной политической идеологии действительно во многих случаях приводит личность к политическому протесту по той простой причине, что существующий политический режим не допускает независимой политической активности в любой форме. Но это условие не является ни достаточным, ни тем более необходимым.

Второй вопрос про психологию. Я не знаю, коррелирует ли с активным участием в политике какой-либо психологический тип, но если опираться на мой личный опыт общения с политически активными личностями, то я никогда не замечал следов такой корреляции. В политике вообще и в протестной политической активности в частности есть очень разные люди. Чтобы участвовать в протестном движении сегодня нужна гражданская смелость и способность и желание рисковать. Но эти качества я считаю скорее моральными, чем психологическими.

1.3. Каким Вы видите себе ключевые отличие радикальных движений от иных форм активизма? Как Вам кажется, квалифицирующим признаком радикализма того или иного активистского объединения являются декларируемые цели или скорее практикуемые методы и способы достижения поставленных задач?

Политический «радикализм» это слово, которым пользуются силовые структуры режима для того, чтобы обозначить любую политическую активность (включая публичные высказывания), которая ставит своей целью изменение этого режима. Поэтому объемы понятий «протестное движение» и «политический радикализм» в официальном политическом дискурсе просто совпадают. В неофициальном и в частности в академическом дискурсе я бы просто не пользовался этим словом (термином) во избежание недоразумений.

1.4. А что, на Ваш взгляд, способствует одобрению и принятию личностью радикальных идей? Каким чувством/ аффектом / эмоциями чаще всего движимы участники радикальных движений: страх, гнев, сострадание или что-то другое? Можно ли говорить о том, что предпосылкой присоединения активистов к радикальному движению чаще прочих оказывается их собственное, личное, переживание, травма, ощущение несправедливости или персональное поражения в правах? Или же сторонников радикальных объединений скорее мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам?

Я не готов обсуждать «радикальные идеи» без кавычек. Если говорить о том, что приводят людей в протест, на мой взгляд, нужно говорить о морали, а не о психологии. Гуттимеют значение такие мотивы как чувство достоинства, стремление к справедливости, гражданская ответственность - которые напрямую не связаны с психологией.

1.5. Как Вы полагаете, существует ли достижению целей, заявленных протестными объединениями, участие их активистов в тематических акциях, митингах, пикетах? Или такого рода активность способствует в большей степени внутренней консолидации активистского ядра вокруг заявленной проблемы?

По-моему, этот вопрос поставлен некорректно. Акции, митинги и пикеты способствуют достижению политических целей (впрочем, см. о целях выше в моем ответе на вопрос 1.1) и одновременно способствуют консолидации ядра. Это части одного процесса.

1.6. Давайте поговорим о современном – информационном контексте – и развитии гражданского активизма, и распространении протестных настроений. Как Вы полагаете, можно ли говорить о том, что широкая доступность интернет-коммуникации, социальных сетей и мессенджеров, привела к интенсивному распространению практик гражданской активности. Можно ли говорить о том, что интернет упростил солидарное гражданское взаимодействие и расширил

активистскую базу? Считаете ли Вы справедливым тезис о том, что благодаря новым медиа значительно возросли возможности не только общения, но солидарного активизма, в том числе и протестного? Я думаю, что новые медиа действительно увеличили возможности солидарного активизма, но одновременно дали властям и новые более эффективные средства контроля и подавления. Пока еще первый момент превалирует, но развитие интернета в последние годы во всем мире включая Россию идет в сторону наращивания средств и методов контроля. Поэтому я не думаю, что новые медиа что-то меняют в этом отношении в принципе.

1.7. Насколько значимым фактором распространения критических настроений сегодня, на Ваш взгляд, является интернет-коммуникация? Изменила ли интернет-коммуникация специфику гражданского активизма? Считаете ли Вы, что в современных информационных условиях принадлежность к движению определяется самими участниками, а не подчиняется правилам формального членства? И интернет-коммуникация может быть средством, но не фактором распространения любых политических настроений включая критические. Интернет является такой же сценой политической борьбы как и традиционные медиа. Я не думаю, что интернет сам по себе что-то меняет в отношении формального и неформального членства в политических движениях и организациях.

1.8. Считаете ли Вы, что интернет-содействие или интернет-поддержка целям радикальных движений может приравниваться к фактическому участию в активности движения? Считаете ли Вы, что интернет является средством коммуникации, действующим как аналог «вирусного распространения» целей движения?

Интернет это только средство коммуникации. «Фактическое участие» в протестном движении измеряется политической активностью и политической эффективностью независимо от того какие средства при этом используются.

1.9. Как Вы полагаете, расширяющаяся включенность многих носителей «активистского габигуса», в том числе и протестного, в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его сторонниками в формате, например, активного обсуждения актуальных проблем в «тематических группах», способствует скорее реальной консолидации активистов, служит залогом их дальнейшей предметной деятельности, к встречам в оф-

лайн-пространстве и дальнейшей координации деятельности в реальном пространстве? Или интернет-общение напротив, наоборот, приводит скорее к «выпуску пара» в он-лайн пространстве?

Если отмнать 30 лет назад, то аналогичный вопрос можно было бы задать про политические разговоры «на кухне» и практику распространения политических анекдотов. Хотя у таких активностей и есть «терапевтический эффект», который можно назвать «выпуском пара», я думаю, что они поддерживают, а не тормозят, настоящий политический активизм(не являясь при этом его частью). Впрочем, никаких количественных данных для обоснования этого мнения у меня нет.

Скорее к «выпуску пара» в он-лайн пространстве?

Глава четырнадцатая. Труфанова Е.О.. Знание и протест

Выстраивание портрета протестной личности – дело неблагодарное, поскольку любой подобный портрет грозит превратиться в стереотип. Участники протестов, хоть и сливаются внешне в единую толпу, по сути своей – весьма различны. Есть «профессиональные» протестующие – здесь не имеются в виду те, кто посещает протестные митинги за деньги (хотя и такие тоже есть, но их скорее можно отнести к «фальшивым» протестующим, поскольку ими движет мотив, с протестом никак не связанный) – речь идет об участниках протестных акций, которые участвуют в них просто «из любви к искусству», в независимости от повода той или иной акции. Есть «правозащитники» или просто люди с активной гражданской позицией, которые готовы выступать всегда «за все хорошее против всего плохого». Есть приверженцы определенных партий или движений, которые участвуют в протесте из партийной лояльности. Есть те, кто считает, что участие в определенных акциях означает принадлежность к определенному модному тренду, и если ты не поучаствовал – то ты «отстал от жизни». И, наконец, есть люди, которые не склонны к протестной деятельности, но выходят на акцию по одному-единственному поводу, коснувшемуся лично их. Поэтому трудно говорить о существовании такого особого типа личности как «протестная личность». Главная и, возможно, единственная черта, которая объединяет этих весьма различных личностей воедино – это их вера в эффективность протеста, в то, что голоса протестующих не только будут услышаны, но и будут приняты во внимание.

В основе протesta лежат различия, оппозиция «своего» и «чужого», требования признать «свои» ценности не менее, если не более значимыми, чем те ценности, которые разделяют «чужие». Чем более радикально расходжение этих систем ценностей, тем радикальней сам протест. Любой протест представляет собой несогласие, и, следовательно, выдвигает альтернативную точку зрения, воплощения которой в жизнь пытается добиться протестующий. Политический протест предполагает противопоставление себя власти с целью добиться изменений в проводимой политике по тому или иному вопросу. Множество крупных протестных движений было связано с борьбой за права отдельных социальных групп – женщин, представителей определенных рас, классов, различных меньшинств (этнических, сексуальных и т.д.). Помимо конкретных политических требований, за этими движениями стояли